

DOI 10.15826/izv2.2018.20.2.031

УДК 94(470)“1917” + 94(470.23-25)“1917” +
+ 727(470.23-25)**А. В. Конивец***Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия*

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ И ЭРМИТАЖ В 1917 г.: ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДО БОЛЬШЕВИСТСКОГО ШТУРМА

После Февральской революции Зимний дворец перестал быть главной резиденцией царской семьи, а Императорский Эрмитаж, основанный Екатериной Великой как продолжение дворца, стал именоваться просто Эрмитажем. В июле 1917 г. во дворце поселился глава Временного правительства А. Ф. Керенский. Он занял бывшие апартаменты Александра III и устраивал заседания министров на половине Николая II. 25 октября (7 ноября) 1917 г. Зимний дворец стал не просто свидетелем, но полноправным участником главного события XX в., изменившего ход истории не только России, но и многих стран мира. На основе свидетельств очевидцев и архивных документов мы постарались восстановить некоторые события, происходившие в непосредственной близости от дворца и Эрмитажа перед Октябрем, а также хронику одного дня, закончившегося историческим штурмом Зимнего. В стенах этих государственных зданий, причисленных к национальному достоянию, в тревожные межреволюционные дни работали Чрезвычайная следственная и Художественная комиссии, секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург, поэт А. А. Блок, историк Е. В. Тарле, председатель второй Государственной думы В. Ф. Головин, жила «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, и др. Детально переданные в статье события 25–26 октября, «одного дня, который потряс мир», рисуют картину, существенно отличающуюся от хрестоматийных кадров «культового фильма» С. Эйзенштейна «Октябрь» и позволяют отойти от господствовавшей в прошлом мифологизированной трактовки Октябрьского переворота или «большевистского штурма».

Ключевые слова: Февральская революция; Октябрьская революция; Русская революция 1917 г.; Временное правительство; Зимний дворец; Эрмитаж.

Цитирование: Конивец А. В. Зимний дворец и Эрмитаж в 1917 г.: от Чрезвычайной следственной комиссии до большевистского штурма // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 137–154.

*Поступила в редакцию 11.12.2017**Принята к печати 18.04.2018*

Anna V. Konivets

*State Hermitage Museum
St Petersburg, Russia*

1917. THE WINTER PALACE AND THE HERMITAGE FROM THE EXTRAORDINARY COMMISSION OF INQUIRY TO THE BOLSHEVIK ASSAULT

After the February Revolution of 1917 and the abdication of tsar Nicholas II, the Winter Palace founded by Catherine the Great lost its status of the main Imperial residence, and started to be referred to as the Hermitage. In July 1917, head of the Provisional government Alexander Kerensky moved to the former apartments of Alexander III in the Winter Palace and held meetings of ministers in the apartments previously occupied by Nicholas II. On October 25 (November 7) 1917, the Winter Palace did not only witness but participated in the main event of the 20th century which changed the course of history in Russia and in many other countries. Referring to the accounts of the participants of the events and archival documents, the author tries to reconstruct the chronology of the events that had taken place in the proximity of the Hermitage before October 1917, and that of the day which saw the capture of the Winter Palace. During the period between the Revolutions, these state buildings that are now considered national heritage housed the extraordinary and artistic commissions, the secretary of the Academy of Sciences S. F. Oldenburg, poet A. Blok, historian Ye. Tarle, chairman of the Second State Duma V. F. Golovin, and the “grandmother of the Russian revolution” E. K. Breshko-Breshkovskaya, etc. The events of 25–26 October, “one day that shook the world” described in the article draw a picture that differs significantly from the textbook depiction of the iconic *October* by S. Eisenstein and allow one to break from the mythological interpretation of the October Revolution prevalent in the past.

Key words: February Revolution; October Revolution; Russian Revolution of 1917; Winter Palace; Hermitage; Provisional Government.

Citation: Konivets, A. V. (2018). *Zimnii dvorets i Ermitazh v 1917 g.: ot Chrezvychainoi sledstvennoi komissii do bol'shevistskogo shturma* [1917. The Winter Palace and the Hermitage from the Extraordinary Commission of Inquiry to the Bolshevik Assault]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 2 (175), 137–154.

Submitted on 11 December, 2017

Accepted on 18 April, 2018

2 марта 1917 г. в салоне-вагоне императорского поезда, остановившегося на станции Псков по дороге из царской ставки в Петроград, Николай II подписал отречение от престола. В этот же день по соглашению между Временным комитетом Государственной думы и исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было сформировано Временное правительство. В обществе ощущался необыкновенный подъем. Валерий Брюсов, выражая эти настроения, писал:

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

«Товарищам интеллигентам (Инвектива)»

[Брюсов, с. 452]

Прошло немного времени, и 25 октября 1917 г. Зимний дворец стал местом действия, а вернее — полноправным участником события, перевернувшего судьбу России и отозвавшегося во многих странах мира. В течение этих месяцев, предшествовавших Октябрьской революции, в бывшей императорской резиденции и в Эрмитаже, построенном в свое время Екатериной Великой как продолжение дворца, произошло много разных событий, поместивших известные всем памятники архитектуры в эпицентр политической истории.

4 марта Временное правительство учредило *Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так и военного и морского ведомства*. Комиссия состояла из трех частей: следственной, наблюдательной, осуществлявшей надзор за работой следователей, и президиума, состоявшего из общественных деятелей. Комиссия располагалась в Зимнем дворце (см. рис. 1), президиум заседал в зале Совета, находившемся на первом этаже Старого Эрмитажа. Сотрудники, занимавшиеся допросами царских чиновников и подготовкой отчетов, входили через Малый подъезд в здание Старого Эрмитажа и направлялись на третий этаж Зимнего дворца. «...Комнаты направо, комнаты налево, — везде строчат, гудят, как шмели, трещат машинки. Десятки судей, прокуроров, председателей судов, палат пристегнуты сюда в качестве профессиональных работников», писал один из служащих Комиссии [Коренев, с. 15]. Кроме юристов, в Комиссии работали редакторы, приводившие в порядок тексты допросов. Руководил их работой бессменный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург, в июле 1917 г. назначенный министром народного просвещения Временного правительства. Одним из редакторов был Александр Блок, оставивший записки о своей работе в Зимнем дворце. Членами Комиссии были также историк Е. В. Тарле и пушкинист П. Е. Щеголев, в 1930-е гг. они оба некоторое время работали в Эрмитаже (см. рис. 2).

Во время революционных событий в Петрограде в феврале 1917 г. пострадало более 1 300 человек. По решению Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов жертв революции должны были похоронить на Дворцовой площади, прямо под окнами Зимнего дворца — «жилища тиранов», хотя отрекшийся от престола Николай II вместе с семьей находился в это время под арестом в Царском Селе. Благодаря вмешательству А. М. Горького и Ф. И. Шаляпина удалось отменить решение Совета, и траурная церемония прошла на Марсовом поле. В память об отдавших жизнь за свободу Марсово поле было переименовано в площадь Жертв Революции. Это название сохранялось до 1944 г.

Эрмитаж, со времени своего основания относившийся к Министерству Императорского Двора, после Февральской революции как национальное достояние перешел в ведение новой власти в лице Комиссара Головина, назначенного указом Временного правительства от 8 марта 1917 г. заведовать делами бывшего Министерства. Федор Александрович Головин, в недалеком прошлом один из основателей партии кадетов и председатель второй Государственной думы, расположился в непосредственной близости от Эрмитажа — рабочий кабинет для него был оборудован на первом этаже Зимнего дворца, окнами на Неву. Вступив в должность, Головин издает свой первый приказ, призывая служащих «продолжать исполнять свои обязанности и занятия установленным порядком, памятуя, что отныне, когда судьбы народа находятся в его собственных руках, все они служат более не лицам, а всему русскому народу и родине» [РГИА, ф. 475, оп. 1, д. 873, л. 1].

Обстановка в Петрограде была беспокойная, и для защиты художественных ценностей в Эрмитаж были направлены военные патрули. Директор музея граф Дмитрий Иванович Толстой разъяснял солдатам и офицерам их задачи, но дисциплины добиться не удавалось. Солдаты «вели себя очень непринужденно, курили, плевали на пол, порой играли в карты...» [Толстой, с. 338]. 13 марта состоялось заседание Общего собрания Эрмитажа, на котором обсуждалось два вопроса. По первому единогласно было решено возобновить научные занятия в музее несмотря ни на что. По второму — большинством голосов — не открывать Эрмитаж для публики, «так как отдельные группы лиц могут воспользоваться помещением для <...> устройства собраний и митингов». К тому же «не исключена возможность повреждения хранящихся в Эрмитаже сокровищ». Еще одним аргументом в пользу закрытия музея стал тот факт, что «город еще не очищен от подонков общества, которые выпущены на свободу из тюрем вместе с политическими заключенными» [Пиотровский, с. 270]. 4 апреля в Эрмитаже прошло собрание служащих и сторожей (так стали называться теперь члены охранной команды). Собрание вынесло постановление, касающееся службы, оплаты труда и избрания сотрудников на вакантные должности. В первом параграфе постановления говорилось, что главная обязанность служащих — хранить то, что им «поручено народом — государством, и служить на пользу народного искусства для будущего потомства». Комиссар Ф. А. Головин и директор Эрмитажа Д. И. Толстой признали, что изложенные в постановлении правила должны быть приняты к сведению и исполнению всеми сотрудниками. Эрмитаж, в котором практически ни на один день не прекращалась научная работа, был закрыт для публики на очень короткое время. Едва только обстановка в Петрограде стала налаживаться, музей снова начал принимать посетителей, открыв вход через портик с Атлантами, о чем сообщила газета «Биржевые ведомости» 20 апреля 1917 г. (см. рис. 3).

8 июля 1917 г. Александр Федорович Керенский, возглавивший Временное правительство, въезжает в Зимний дворец вместе со своим штатом и охраной. Выбор Министра-председателя не был случайным, — для самоутверждения ему нужна была именно бывшая царская резиденция. Это вызвало недовольство

Рис. 1. Зимний дворец. 1910-е гг.

Pic. 1. Winter Palace. 1910s

Рис. 2. А. А. Блок во время работы
в Чрезвычайной следственной комиссии

Pic. 2. A. Blok during his work
in the Extraordinary Commission of Inquiry

Рис. 3. Здание Нового Эрмитажа

Pic. 3. The building of the New Hermitage

в разных слоях российского общества — Керенского единодушно осуждали и его непримиримые противники, и многие из тех, кто еще недавно во всем его поддерживал. «Реакционные группы были весьма шокированы и оскорблены. Левые видели в этом дурное начало. Улица иронизировала и подсмеивалась», писал Михаил Зощенко в 1937 г. [Зощенко]. На все нападки Керенский никакого внимания не обращал и не только не уехал из дворца, но и поселил в нем «бабушку русской революции» Е. К. Брешко-Брешковскую (см. рис. 4), с триумфом возвратившуюся после Февраля в Петроград из сибирской ссылки. Глава Временного правительства считал ее своим «ближайшим водителем по духу», она же именovala его «достойнейшим из достойнейших граждан земли русской». Бывшей политкаторжанке отвели комнаты в третьем этаже Зимнего дворца со стороны площади. По этому поводу лидер монархистов и участник убийства Григория Распутина В. М. Пуришкевич разразился довольно едким стихотворением:

Из каторги сибирской
Едет «бабка» в Петроград
Чтобы видеть всероссийской
Демократии парад.
Едет... крики ликования.
Сам Керенский тут как тут.
И в дворец для проживания
Дуру старую ведут...
«Бабка» в новом положении:
Вместо каторги почет;
На народном иждивенье
Во дворце она живет...

[Иванов]

Рис. 4. А. Ф. Керенский и Е. К. Брешко-Брешковская
Pic. 4. A. F. Kerensky and E. K. Breshko-Breshkovskaya

11 июля 1917 г. Керенский провел первое заседание Кабинета в Малахитовой гостиной, где раньше собирались члены царской фамилии перед большими выходами во время праздничных церемоний. В библиотеке Николая II Керенский принимал доклады (см. рис. 5), а в качестве жилых покоев он выбрал себе бывшие апартаменты Александра III на верхнем этаже северо-западного ризалита дворца, окнами на Неву и на Адмиралтейство. Охране в числе прочих помещений отвели парадный Белый зал и роскошную Золотую гостиную [Кониец, с. 123–134].

В июле 1917 г. в Зимнем дворце начинает работу «Художественная комиссия по приемке движимого имущества Петербургских дворцов бывшего Петроградского Дворцового Управления», созданная по указанию Временного правительства. Возглавил зимнедворскую комиссию Василий Андреевич Верещагин — знаток искусства, коллекционер, один из основателей журнала «Старые годы» и Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Его ближайшими помощниками были историк искусства, археолог Н. Г. Пиотровский и чиновник удельного ведомства Б. А. Надеждин. Комиссия должна была составить опись ценностей дворца и Эрмитажа. Запечатлеть дворцовые интерьеры был приглашен придворный фотограф К. К. Кубеш. Сотрудничал с Художественной комиссией и смотритель имущества Зимнего дворца Н. Н. Дементьев. По указанию Комиссии вещи из комнат Николая II, которые собирался занять Керенский, были убраны в ящики. Когда стало известно, что для охраны отводятся парадные покои, комиссия Верещагина,

Рис. 5. Заседание в библиотеке Николая II.
Слева направо: полковник Барановский, генерал-майор Якубович,
Б. В. Савинков, А. Ф. Керенский, полковник Туманов
Pic. 5. Meeting in the Library of Nicholas II. From left to right:
Colonel Baranovsky, Major-General Yakubovich,
B. V. Savinkov, A. F. Kerensky, Colonel Tumanov

еще не представляя масштабов будущих потерь, предупреждала: «Пребывание воинских частей в исторических покоях Зимнего дворца может иметь самые губительные последствия» [Суслов, с. 59]. Но к авторитетному мнению специалистов не прислушались — в Золотую гостиную были принесены железные кровати и набитые сеном тюфяки, а соседний Белый зал превращен в казарму. В результате интерьерам дворца был нанесен значительный ущерб еще до взятия его большевиками. В начале сентября 1917 г., когда вышел указ об эвакуации учреждений Петрограда, члены Комиссии продолжали составлять описи дворцовых ценностей и помогали сотрудникам Эрмитажа отбирать экспонаты для отправки в Москву.

После Октябрьской революции Художественная комиссия занималась розыском пропавших во время штурма дворца ценностей, проводя с помощью воинских нарядов обыски в антикварных магазинах, ломбардах, на рынках. В результате многое из похищенного удалось найти. 14 ноября 1917 г. на заседании Комиссии обсуждалась правомерность требования Верховной Рады передачи Украине исторических реликвий, вывезенных в Петербург после ликвидации Екатериной II гетманства. В притязаниях Украине было отказано на том основании, что вещи, поступившие в эрмитажное собрание, были приобретены музеем или подарены ему. Когда же в Эрмитаж прибыл отряд солдат-украинцев и потребовал от директора выдать «украинские реликвии», им также было отказано. Комиссия Верещагина, выполняя свою основную задачу — охранять и сохранять художественные и исторические ценности, на заседании 17 ноября 1917 г. сформулировала позицию по вопросу выдачи каких-либо предметов из музеев:

1. В основе жизни государственных музеев лежит принцип их неприкосновенности.

2. Среди таких музеев Эрмитаж занимает исключительное место центральной русской сокровищницы мирового значения.

3. Эрмитаж — неотъемлемое достояние народа и имеет своим хозяином весь народ, выразителем воли которого является Учредительное собрание (парламент).

25 августа 1917 г. в связи с угрозой бомбардировок города со стороны Германии Временное правительство принимает решение «о разгрузке Петрограда и его района». Речь шла об эвакуации правительственных учреждений, в числе которых были Зимний дворец и Эрмитаж. В этот же день на заседании Общего собрания Эрмитажа Д. И. Толстой (см. рис. 6) говорил о «серьезной опасности от бомб с целеллина» и об угрозе «разграбления музея немцами или чернью». Опасаясь за коллекции, сотрудники Эрмитажа начали упаковку наиболее ценной части собрания еще до приказа Правительства об эвакуации, обнародованного 1 сентября 1917 г. Как следует из протокола заседания Общего собрания Эрмитажа, к 25 августа были «уложены и готовы к отправке 650 ящиков» [Пиотровский, с. 270–272].

Хранившиеся в Зимнем дворце коронные бриллианты — символы императорской власти, родословные книги и сокровища из Галереи драгоценностей

уехали в Москву еще в августе 1914 г., сразу после начала войны, и хранились в Оружейной палате Кремля. Теперь из дворца предстояло вывезти царские троны и дворцовое серебро. Подготовкой к отправке ценностей, находящихся в Зимнем дворце, занимался смотритель комнатного имущества Николай Николаевич Дементьев. Работа по отбору экспонатов велась совместно с Художественной комиссией. Общее руководство эвакуацией было возложено на исполнявшего обязанности начальника Канцелярии бывшего Министерства Двора князя С. В. Гагарина и помощника начальника Петроградского Дворцового управления полковника князя И. Д. Ратиева. Подготовка к вывозу ценностей не афишировалась, и все письма, поступающие в Эрмитаж за подписью князя Гагарина, помечены грифом «секретно». Первую партию ящиков отправили с «экстренным поездом» 15 сентября. Эрмитажные вещи сопровождали старший хранитель Я. И. Смирнов и заведующий библиотекой С. А. Гамалов-Чураев. Не успели хранители вернуться в Петроград, как на очереди была уже отправка следующей партии. Предстояло упаковать картины, скульптуру, наиболее ценную часть нумизматического собрания и раритетные книги. Это была очень сложная задача, учитывая нехватку рабочих рук и упаковочного материала. Тем не менее, 7 октября второй состав отошел от Нововоинской платформы товарной станции Николаевской железной дороги и благополучно прибыл в Москву, где все ценности были приняты Московским Дворцовым управлением и помещены на хранение в Оружейную палату и в Исторический музей. Отправление третьего поезда было намечено на 25 октября 1917 г. В этот день начался штурм Зимнего дворца. Поезд из города так и не ушел.

В двадцатых числах октября 1917 г. и без того беспокойная обстановка в Петрограде накалилась до предела, хотя внешне все выглядело вполне обычно. Большевики ждали удобного момента для свержения Временного правительства. Поводом для начала восстания стало закрытие большевистских газет и известие о том, что Керенский вызвал в Петроград военные подкрепления. На защиту Зимнего дворца были стянуты три сотни казаков, батарея Михайловского артиллерийского училища, юнкера Школы Прапорщиков Инженерных войск, 2-й Ораниенбаумской и Петергофской школы, Константиновского артиллерийского училища (всего их набралось две с половиной тысячи). В полдень

Рис. 6. Директор Эрмитажа граф Д. И. Толстой. Рис. Э. К. Липгарта
Pic. 6. Director of the Hermitage Count Dmitry Tolstoy.
Drawing by E. K. Lipgart

24 октября солдаты 1-го Петроградского женского батальона смерти прошли торжественным маршем по Дворцовой площади, отсалютовав Керенскому, после чего командир батальона штабс-капитан А. В. Лосков приказал 2-й роте в количестве 137 человек разместиться в Зимнем дворце для охраны Временного правительства. Рота заняла оборону в первом этаже, в районе Комендантского подъезда, расположенного справа от главных ворот, если смотреть на дворец с площади. Добровольцами явились около сорока человек инвалидов — георгиевских кавалеров под предводительством некоего штабс-ротмистра, тоже инвалида. Как потом отмечали многие из участников революции, именно эти инвалиды и женщины-ударницы готовы были стоять насмерть, и только приказ заставил их сложить оружие. В это время В. И. Ленин обращается к членам ЦК партии с письмом, призывая действовать немедленно: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. <...> Нельзя ждать!! Можно потерять все!! <...> Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!» [Ненароков, с. 202].

В центре города буквально за несколько часов до переворота ничего подозрительного не наблюдалось. В магазинах не прекращалась торговля, ходили трамваи, на Невском по-прежнему было много народа. При этом в район Зимнего стекались сторонники революции. Угроза захвата дворца большевиками теперь казалась вполне реальной. В довершение всего поползли слухи о бегстве Керенского. Чтобы получить достоверные сведения об обстановке в городе, в здание Штаба Гвардейского корпуса на Дворцовой площади, где размещался Штаб обороны, отправился представитель работавшей в Зимнем дворце Комиссии по делам царских министров С. А. Коренев. Командующий войсками округа полковник Г. П. Полковников и начальник штаба генерал-майор Я. Г. Багратуни заверили его, что у правительства «сил достаточно, да и Керенский уже утром на автомобиле выехал навстречу подходящим сюда с фронта войскам, вызванным для усиления гарнизона. К вечеру все будет кончено. <...> “Аврора” стрелять не будет <...> Ваши страхи совершенно не основательны». В это же время несколько юнкеров пытались пробиться на прием к командующему, чтобы доложить о нехватке патронов и невозможности защитить правительство в случае необходимости. Юнкеров в кабинет не пропустили и приказали ждать до завтра, т. е. до 26 октября, когда Зимний уже будет взят большевиками, и надобность в патронах отпадет сама собой. «Бессилие и малочисленность наших защитников — юнкеров, которым начальство не может даже удосужиться выдать необходимые боевые припасы, это очевидное отсутствие во всем деле обороны направляющей воли, эти сонные генералы и их надежды, что если не кривая, то Керенский выручит. А тут еще все та же проклятая “Аврора”, хитро подмигивающая нам жерлами своих пушек, которые, хотя и не будут стрелять, — как уверяют нас в этом наши полководцы, но все же очень подозрительно смотрят прямо нам в окна», вспоминал полковник Коренев [Коренев, с. 31]. «Аврора» остановилась у Николаевского (Благовещенского) моста, а в окна Зимнего светили прожектора другого судна.

Члены Комиссии по делам министров продолжали работать во дворце, не подозревая о степени угрожавшей им опасности извне до тех пор, пока не узнали, что представители ВРК предъявили Временному правительству ультиматум — или сдаться, или быть погребенными под развалинами Зимнего. Получив его, министры снова собрались на совещание, чтобы обсудить условия ультиматума. Они пребывали в растерянности, но все же решили не сдаваться. Морской министр контр-адмирал Д. Н. Вердеревский, до этого не раз высказывавший соображения о нецелесообразности обороны дворца при отсутствии на то сил и возможностей, в этот критический момент, как военный человек, не сомневался, что сопротивляться нужно до конца. Учитывая грозящую опасность, члены Комиссии по делам царских министров, проведя совещание, большинством голосов постановили опечатать комнату, где хранились представляющие историческую ценность документы, отправляться по домам и ждать, чем закончится «заваруха». Незадолго до того, как дворец полностью окружили революционеры, во дворец вошли американский журналист Джон Рид с женой Луизой Брайант и двумя коллегами. Когда по «удостоверениям из Смольного» охрана их не пропустила в ворота Собственного сада со стороны площади, они беспрепятственно прошли через такие же ворота с набережной, предъявив паспорта. Не застав Министра-Председателя, к тому времени уже покинувшего резиденцию, они гуляли по залам, превращенным в казарму, разглядывали картины и убранство. «Было уже довольно поздно, когда мы покинули дворец», — пишет Джон Рид в книге «10 дней, которые потрясли мир» [Рид, с. 86]. Они ушли незадолго до того, как начался захват здания. Через несколько часов, когда правительство уже было арестовано, они снова пришли во дворец, чтобы стать свидетелями этого исторического события.

Днем 25 октября, когда оставалось буквально несколько часов до полного окружения здания революционерами, защитниками дворца еще не был выработан план обороны. Офицеры, находящиеся во дворце, поддавшись общему настроению неопределенности, вместо того, чтобы наводить порядок в своих частях, потребовали разъяснений не от своих командиров, а от Временного правительства, которое должны были защищать. Они хотели знать, что на самом деле происходит в городе, ведь сведения, полученные от высшего военного руководства, в корне отличались от тех, что поступали от большевистских агитаторов, проникавших во дворец, чтобы сообщить о скорой победе революции. Вероятно, кто-то открыл им ворота, выходящие на Зимнюю канавку, и указал путь — через внутренний двор между зданиями Старого и Нового Эрмитажа, а затем через Малый Эрмитаж — в Зимний. В Главном Штабе почему-то не желали видеть никаких поводов для беспокойства, расценивая все происходящее как очередную вылазку революционеров. Уступив требованиям военных, правительство во главе с А. И. Коноваловым (министром торговли и промышленности, а в тот момент — Министром-Заместителем) явились в Белый зал и предстали перед своими защитниками. Кроме офицеров, в зале оказалось и несколько десятков юнкеров одной из пригородных школ, которые, в отличие от вышколенных

«инженеров», не отличались дисциплиной. По свидетельству очевидцев, этот митинг, продолжавшийся около двух часов, ни к чему не привел. Наконец, назначенный Главным Штабом Комендантом обороны Зимнего дворца полковник А. Г. Ананьев приказал прекратить «шатание по дворцу», не допускать агитаторов к юнкерам, а начальникам частей — рассмотреть план помещений дворца. Человеку, впервые оказавшемуся в лабиринтах огромного здания, выйти из него без посторонней помощи практически невозможно. Если судить по воспоминаниям очевидцев, неразбериха была полная, четких приказаний офицеры не получали, юнкера продолжали бесцельно слоняться по дворцу, некоторые спали или валялись на тюфяках, набросанных в гостиных второго этажа и в Темном коридоре. Кто-то уже успел отведать вина из царских запасов. Большевистские агитаторы тем временем сообщали защитникам дворца о победах восставших и призывали юнкеров бросать оружие.

В 10 часов утра 25 октября, когда все основные стратегические объекты уже были под контролем Военно-революционного комитета, Ленин пишет обращение «К гражданам России», сообщая, что «Временное правительство низложено». В 2 часа 35 минут дня на открывшемся общем собрании Петроградского Совета в Смольном вождь мирового пролетариата провозглашает победу революции: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!» В 5 часов вечера 25 октября вышла газета Петроградского Совета «Рабочий и солдат», в которой было напечатано воззвание ВРК «Революция восторжествовала». Газета была спешно доставлена в район оцепленного дворца, и с агитаторами свежий номер попал и к защитникам Зимнего. Воззвание начиналось словами: «В Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили безо всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено». Словно подтверждая эти слова, стрельба в непосредственной близости от дворца становилась все более настойчивой, стреляли буквально со всех сторон. Когда стало известно, что в руках у Временного правительства остался только Зимний дворец, полурота женского батальона и юнкера получили приказ Коменданта обороны выйти на деревянные баррикады, выстроенные перед дворцом со стороны площади. Керенский в это время покинул столицу и уехал в Гатчину, а Ленин с нетерпением ждал известия о взятии Зимнего. В 6 часов вечера революционные войска, стекавшиеся в центр города, начали окружать Зимний дворец.

Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы.
Отряды рабочих,
матросов,
голи. —

дошли,
штыком домерцав,
как будто
руки
сошлись на горле,
холёном
горле
дворца.
«Хорошо!»
[Маяковский, с. 308]

Осада дворца продолжалась больше шести часов, за это время его покинули казаки, артиллерия и до двух тысяч юнкеров. Из шести трехдюймовых орудий Михайловского артиллерийского училища, поставленных в Большом дворе, осталось только два. Комиссар училища, не желавший рисковать юнкерами, уговорил их уйти и увезти с собой четыре орудия. Два из них вернулись в училище, а два были захвачены революционерами и тут же развернуты в сторону Зимнего. Пострадал и установленный в Главных воротах броневик «Ахтырец» с пушкой и пулеметом, у которого успели украсть мотор, и он потерял способность двигаться. К моменту взятия дворца в здании оставалось около пятисот юнкеров.

В районе семи часов вечера, когда дворец уже был окружен, состоялся телефонный разговор его защитников со Ставкой. В ответ на вопрос Генкварверха (Генерал-квартирмейстера Ставки) генерал-майора М. К. Дитерихса об обстановке во дворце, офицер для поручений при Керенском поручик Данилевич зачитал телеграмму, адресованную Наштаверху (Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего) генерал-лейтенанту Н. Н. Духонину: «Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов объявил Правительство низложенным, потребовал передачу власти угрозой бомбардировки Зимнего Дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера Авроры. Правительство может передать власть лишь Учредительному Собранию. Решило не сдаваться и передать себя защите народа и армии. Ускорьте посылку войск. 25 октября. Министр-Заместитель Коновалов». От себя Данилевич добавил, что восставшие захватили Государственный банк, Центральную телефонную станцию, Мариинский дворец, что на стороне Правительства — юнкера, казачий полк (казаки вскоре ушли с позиций) и два орудия Михайловского артиллерийского училища, а Министр-Председатель уехал к самокатчикам и во дворце надеются на его скорое возвращение с преданными войсками.

По сведениям генерала Дитерихса, самокатные батальоны, которые должны были прибыть в Петроград, «задержаны кем-то в 70 верстах от Петрограда», при этом он не считал положение безнадежным и перечислил названия полков и частей, ожидавшихся в городе 26 октября. В это же время генерал Духонин телеграфирует Коновалову: «Меры к скорейшему прибытию войск принимаются» [Документы, с. 294]. Но, как оказалось, влияние большевиков в армии

было уже велико, и просьба осталась без внимания. Кроме нескольких самокатных рот, задержанных на подступах к Петрограду, никаких войск послано не было. Защитникам дворца, в отличие от министров и генералов, находящихся в Ставке и в Главном Штабе, из окон которого как на ладони был виден Зимний, уже к вечеру 25 октября стало ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Командир роты юнкеров Школы прапорщиков инженерных войск поручик А. П. Синегуб вспоминал, что получил приказ от Коменданта обороны дворца полковника А. Г. Ананьева доложить Временному правительству, что «вылазка, предпринятая ударницами, привела их к гибели, что Главный Штаб занят восставшими, обезоружившими офицерский отряд, что положение усложняется и что дворец кишит агитаторами. Временное правительство вы найдете за белым залом» [Синегуб, с. 171]. Судя по описанию пути, каким поручик шел к министрам, «белым» Ананьев назвал не Белый зал, окна которого выходят на площадь, а Николаевский — окнами на Неву. Правительство расположилось в находящейся рядом Малахитовой гостиной и Малой столовой. Министры, до последнего надеявшиеся на помощь депутации общественных деятелей, купечества и народа с духовенством во главе, которая, как сообщили из Государственной Думы, якобы, движется ко дворцу, отказывались верить в поражение и просили юнкеров продержаться до утра. Депутация действительно отправилась в Зимний, но была остановлена у Екатерининского канала (канал Грибоедова) революционным кордоном.

Около десяти часов вечера из полуденной пушки Петропавловской крепости был дан холостой выстрел, следом за ним прозвучал второй холостой выстрел — из бакового орудия «Авроры», своим грохотом перекрывший первый. Это был сигнал к штурму дворца. Через пару часов, после того как из дворца ушли не захотевшие продолжать борьбу казаки и ударницы, получившие приказ начальства покинуть рубеж, начался обстрел. По приказу коменданта Петропавловской крепости Г. И. Благонравова¹ стреляли три трехдюймовых пушки с пляжа и три шестидюймовых пушки с Нарышкина бастиона. Большинство снарядов, выпущенных трехдюймовками, к счастью, разорвалось над Невой, но один попал в окно угловой комнаты третьего этажа со стороны Адмиралтейства. Шестидюймовка, наведенная на угол дворца, также попала в цель, — боевой снаряд влетел в другое окно этой же комнаты на третьем этаже. Стакан от картечи угодил в стену, пробил ее и упал в коридоре. Его подобрали юнкера и еще горячим отнесли к министрам. Контр-адмирал Вердеревский, взглянув на него, сделал однозначный вывод: стреляли с «Авроры». Но крейсер боевыми не стрелял. Еще несколько боевых выстрелов было сделано по дворцу со стороны площади из пушек, за несколько часов до этого отобранных у михайловцев. Стреляли от Арки Главного Штаба шрапнелью, рассчитанной на поражение живой силы, поэтому большого вреда зданию эти выстрелы нанести не могли, — была побита

---

¹ Расстрелян в июне 1938 г. за контрреволюционную деятельность.

штукатурка у подъезда Ее Величества (слева от Главных ворот), получила вмятины решетка пандуса, было разбито несколько окон.

В то время как сторонники Временного правительства и большевики боролись за власть, были люди, которые думали не о том, кто победит, а с ужасом представляли себе, чем эта борьба может грозить дворцу и Эрмитажу. А. Н. Бенуа, со стороны наблюдавший за происходящим, записал в дневнике: «...на фоне ружейной стрельбы раздалось несколько отрывочных, более гулких и тяжелых ударов, и за последним из них послышался звук чего-то рушащегося. То палила “Аврора”, ставшая на якорь посреди Невы между Крепостью и дворцом и палившая в упор по дворцу. У меня сжалось сердце. Неужели настают последние минуты существования Зимнего? А ведь рядом Эрмитаж со всеми главными сокровищами Русского государства, со всем тем, что мне лично дороже всего на свете!» [Бенуа, с. 199]. Для опасений были основания, ведь бесчисленные коридоры дворца и переходы из него в Эрмитаж никем не охранялись, — у военных просто не было плана здания, и они не знали расположения помещений, чем и воспользовались революционные агитаторы, которых становилось с каждым часом все больше. Не в состоянии помочь был и Комендант здания (не путать с Комендантом обороны), недавно вступивший в эту должность и не успевший ознакомиться с «ходами соединений».

Тем временем несколько десятков человек во главе с комиссаром В. А. Антоновым-Овсеенко вошли во дворец через подъезд Ее Величества (потом он будет переименован в Октябрьский) — их пропустили как парламентариев. Поднявшись на второй этаж и пройдя Темный коридор², Ротонду и Арапскую залу, они вошли в Малахитовую гостиную и смежную с ней Малую столовую, окна которой выходили во внутренний дворик. В этой комнате и укрылись министры, опасаясь обстрела. В 2 часа 10 минут 26 октября комиссар В. А. Антонов-Овсеенко в присутствии делегата Второго съезда Советов Г. И. Чудновского объявил Временное правительство низложенным. Министры были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость, а сдавшиеся офицеры и юнкера отпущены «под честное слово». Приехавший в Смольный Антонов-Овсеенко был избран Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов членом Комитета по военным и морским делам при Совнарком, а Григорий Чудновский назначен комендантом Зимнего дворца.

Октябрьская революция прошла почти бескровно, — наступавшие потянули шесть человек убитыми. Утром 26 октября Начальник Штаба Северного фронта генерал-майор С. Г. Лукирский сообщил Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенанту Н. Н. Духонину: «В Петрограде, по нашим сведениям, произошло следующее: Зимний Дворец, где сгруппировалось Временное Правительство, после штурма, дошедшего до рукопашной, был взят большевиками, и члены Временного Правительства отправлены

---

² Он был увешан парадными портретами государственных деятелей и назывался Портретной галереей.

в Петропавловку» [Документы, с. 310]. Как видно из приведенного разговора, слово «штурм» впервые произнес человек из враждебного большевикам лагеря.

Во время взятия Зимнего дворца в нем находилось около тысячи раненых, большинство из них — лежачие. Здесь нужно немного отвлечься от темы и сказать о том, как они там оказались. Вернемся на два года назад.

Вскоре после начала Первой мировой войны в городе стали массово открывать лазареты в государственных учреждениях, в частных учебных заведениях и просто в квартирах. Самый большой «хирургический лазарет исключительно для нижних чинов» имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича открылся 10 октября 1915 г. в Зимнем дворце, заняв все его парадные залы кроме Георгиевского (Большого тронного). Госпиталь был оборудован по последнему слову техники. В штате состояло около 400 человек, главным врачом был назначен действительный статский советник А. В. Рутковский, главным хирургом — Н. Н. Петров, основоположник отечественной онкологии.

25 октября 1917 г. медицинский персонал и раненые были напуганы звуками стрельбы и взрывов. Нечто подобное уже происходило в феврале, когда ворвавшиеся в помещения госпиталя вооруженные солдаты во главе с прапорщиком

Рис. 7. Раненые в Николаевском зале
Pic. 7. The wounded in the Nikolayevsky Hall

допрашивали врачей и сестер и пытались найти якобы спрятавшихся во дворце царских министров. Очевидица этих событий писала, что министров искали под кроватями, заглядывали в шкафы и в баки с грязным бельем. К счастью, этот набег был кратковременным. Сейчас же все обстояло гораздо хуже. Солдаты и матросы, ворвавшиеся во дворец после ареста Временного правительства, не обошли и помещения госпиталя — ведь министры находились в непосредственной близости от госпитальных «палат» — Восточной галереи и Николаевского зала. По свидетельству одной из сестер, 26 октября вся Иорданская галерея была завалена оружием, по некогда стерильным помещениям ходили вооруженные матросы и красногвардейцы. Старшая сестра была арестована, и ее караулили двое матросов. Ворвавшиеся в Николаевский зал (см. рис. 7) участники штурма, узнавшие, что среди арестованных нет Керенского, пытались искать его среди забинтованных больных, — этот зал был предназначен для солдат, получивших ранения в голову. Революционеров удалось убедить в том, что Керенского в госпитале нет. Тем не менее, все вокруг было перевернуто вверх дном, и от идеального порядка, не осталось и следа. Об уходе за ранеными в такой обстановке не могло быть и речи, и уже на следующий день их начали отправлять в другие лазареты.

25 октября 1917 г. в «Журнале Собора Зимнего дворца» сделана последняя запись: «Служба в Соборе Зимнего Дворца не могла состояться вследствие разгрома дворца “большевиками”, впуска во дворец не было. Закрыт лазарет им. быв. Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Сакеларий протоиерей И. Страхович» [РГИА, ф. 475, оп. 2, д. 26, л. 45 об.].

Источники

Бенца А. Н. Мой дневник 1916–1917–1918. М. : Рус. путь, 2003.

Брюсов В. Я. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955.

Документы // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. Берлин, 1922. Репр. изд. М. : Терра : Политиздат, 1991. Т. 7. С. 279–320.

Зоценко М. Премьер-марионетка // Ленинградская правда. 1937. 6 октября. № 231.

Иванов А. А. Одержимая «бабушка» русской революции [Электронный ресурс] // Могильщики Русского царства / 100-летие революции 1917 года. URL: http://ruskline.ru/history/2016/03/22/oderzhimaya_babushka_russkoj_revoljucii (дата обращения: 10.12.2017).

Корнев С. А. Чрезвычайная комиссия по делам бывших министров // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном, Берлин, 1922. Репр. изд. М. : Терра : Политиздат, 1991. Т. 7. С. 14–33.

Маяковский В. В. Стихотворения : в 3 т. Т. 1. Л. : Сов. писатель, 1955. (Библиотека поэта. Малая серия).

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 873; Оп. 2. Д. 26.

Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957.

Синегуб А. П. Защита Зимнего дворца // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. Берлин, 1922. Репр. изд. М. : Терра : Политиздат, 1991. Т. 4. С. 121–197.

Суслов А. В. Зимний дворец. Исторический очерк. Л. : Ком. популяризации худож. изданий при Гос. акад. истории материальной культуры, 1928.

Толстой Д. И. Революционное время в Русском Музее и в Эрмитаже // Российский архив. М. : Студия ТРИТЭ, 1992. С. 330–361.

Исследования

Кониец А. В. Зимний дворец. От императорской резиденции до Кавшкеры Осовиакхима. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014.

Ненароков А. П. Великий Октябрь: краткая история, документы, фотографии. М. : Изд-во полит. лит., 1977.

Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа : крат. очерк : материалы и док. М. : Искусство, 2000.

References

Konivets, A. V. (2014). *Zimnii dvorets. Ot imperatorskoi rezidentsii do Kavshkoly Osoaviakhima* [Winter Palace. From the Imperial Residence to the Osoaviakhim Cavalry School]. St Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. (In Russian)

Nenarokov, A. P. (1977). *Velikii Oktiabr': kratkaia istoriia, dokumenty, fotografii* [Great October: A Brief History, Documents, Photos]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Piotrovsky, B. B. (2000). *Istoria Ermitazha: Kratkij ocherk: Materialy i dokumenty* [History of the Hermitage: Short Essay: Materials and Documents]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)

Кониец Анна Валентиновна

старший научный сотрудник

Государственный Эрмитаж

190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34

E-mail: konivets@hermitage.ru

Konivets, Anna Valentinovna

Senior Researcher

State Hermitage Museum

34, Dvortsovaya Embankment,

190000 St Petersburg, Russia

Email: konivets@hermitage.ru